

V

Угрозы с Востока и Запада

Избранный народ и земля обетованная

Идея о русском Варавве как освободившемся грешнике в Финляндии в 1917–1918 гг. сама по себе не нова, так же как и идея о русском искушении как причине мятежа 1918 г. Во всяком случае, они обе важны для понимания психологии тех лет. Совершенное финскими красными открытие двери для русских в 1917 г. было в воображении финской интеллигенции обманом простонародья, который националистически мыслящая и воспитанная на высоких идеалах образованная часть населения Финляндии простить не могла. *Odi profanum vulgus et arceo*¹. Представление о свободе солдатни заключалось именно в том, что Александр Зиновьев описывает в своей книге *The Reality of Communism*. Отвергнувший культуру человек ломился всюду, где ограда была невысока. Роман Майлы Талвио *Kurjet* («Журавли») и ее вдохновленное описание германороссийской границы, границы культуры и варварства, со своей стороны, свидетельствуют о том, как воспринималось различие анархистского русского и порядочного западного мира в кругах интеллигенции: дело заключалось в отличии творческой и динамичной культуры от вялой, похотливой и основанной на инстинктах варварской культуры. Так к этому относились вскоре после того, как еще не забыли о поклонении Толстому, отразившему,

---

¹ «Презираю и прочь гоню невежественную чернь» (Гораций. Оды).

по оценке Ленина, русскую крестьянскую стихию. Основанная на огромном материале книга профессора Сейкко Эскола¹ дает представление о восприятии страшного для Финляндии 1917 г. и через образ молодого хулигана показывает, насколько необычайно важным в психологическом отношении периодом был для всей страны этот взрыв русскости. Без этого не понять событий 1918 г. и русофобии предвоенных лет.

До произошедших в 1917 г. оргий черни русская интеллигенция имела довольно хорошую репутацию в Финляндии. С русской интеллигенцией вполне можно было сотрудничать, однако, следовало соблюдать определенную дистанцию. Именно так поступали те либералы, которые группировались вокруг знаменитого Лео Мехелина и для русских националистов были особой соринкой в глазу и объектом клеветы. В дневнике Теклы Хултин² воспроизводится картина отношения к этому сотрудничеству. Российских либералов ценили, но не считали, что по этому пути сотрудничества следует идти далеко. Это был *Uneasy Alliance*, как это описывал Билл Копеланд. После революции российская интеллигенция была сметена, и осталась только та *vulgus*, которую можно было лишь ненавидеть. Из-за отсутствия общего языка с ней невозможно было даже разговаривать. Именно по этой причине отношение финнов к России изменилось радикально благодаря приобретению независимости и революции. Все же гражданская война была очень большим шоком, но значение изменения характера общественно-политической системы у соседа не следует преуменьшать. У финских буржуа по ту сторону границы уже не было равной социальной группы в России.

В 1927 г. была опубликована книга *The Haunted Castle. Study of the Elements of English Romanticism*, которая принадлежит перу представителя еще очень малочисленной в то время в нашей стране литературоведческой элиты. Она свидетельствует, что ее автором был глубокий знаток англосаксонской литературы, который со знанием дела анализировал тексты романов ужасов, от Горация Уолпола до Оскара Уайльда. Автором был Эйно Райло, который был и писателем, и издателем, и литературоведом, опубликовавшим в Финляндии прокладывающую новые пути шеститомную «Общую историю литературы». Для своего времени это был культурный

---

¹ Имеется в виду диссертация: Seikko Eskola. Suomen nurja 1917 Ruotsin peilissä. Helsinki, 2010.

² Текла Юханна Виргиния Хултин (1864–1943) была в Финляндии первой женщиной — доктором философии.

труд, который мог быть создан только таким широко образованным гуманистом, каким был Райло. Являясь доцентом Хельсинкского университета, Райло принадлежал в то время к очень узкому кругу исследователей-гуманитариев, но его сфера деятельности не ограничивалась *vita contemplativa*¹. Райло руководил собственным издательством, активно выступал в качестве критика и написал несколько толстых романов, в которых изображал собственное время и процессы современной истории. Райло и в политике был активным человеком, много печатался в оппозиционной партийной газете *Uusi Päivä* в качестве фельетониста под псевдонимом "Sissi" («Партизан»). И в политике Райло не удовлетворился пребыванием в группе тех, «кто омывал трупы», но действовал и там, где люди расставались с жизнью. Сборник фельетонов "Sissi" не напрасно был назван «Пером и ружьем». Как издатель Райло публиковал также творчество Алгота Унтола/Майю Лассила и написал в 1920-х гг. предисловие к его сочинению.

Тогда, в 1918 г. Райло плыл вместе с Унтола на пароходе в Сантахамине, где последнего ожидала казнь. По той или иной причине Унтола не добрался до Сантахамине, а оказался во время пути в воде, где и был застрелен. Последняя встреча писателя и его издателя весьма подходит для продолжения тех историй об ужасах, в которых очень многим финским писателям довелось участвовать. Илмари Кианто, Кюёсти Вилкуна, Юхани Сильо, В.А. Коскенниemi и многие другие, так или иначе, оказались в театре ужаса, в котором убийство человека было не вымыслом, а жестокой действительностью.

Война 1918 г., однако, была не только войной не за жизнь, а за смерть. По едва ли не единодушному мнению финской интеллигенции, речь шла о гораздо большем. Речь шла о культуре, обо всем том, что делает жизнь ценностью. Преградой были жестокость и животное состояние, грозившие уничтожить большее, чем человеческая жизнь. Если бы они — красные русские — одержали победу, созидательный цивилизационный тысячелетний труд исчез бы безвозвратно. Вопрос, впрочем, заключался даже не в разнице между ценностью или малой значимостью или развитостью и неразвитостью, речь шла о разнице между небом и пеклом. «Нравственность» — не пустое слово, неизменно повторявшееся в речах интеллигенции, постулировавшей себя в качестве именно нравственного слоя общества.

---

¹ Жизнь созерцательная.

В 1944 г. Эйно Райло опубликовал обширный роман «Избранный народ и земля обетованная» с подзаголовком «Повествование о финнах». Автор и ранее в своих сочинениях обращался к современной проблематике. Как гуманиста его интересовало, в чем, в конце концов, смысл этой жизни. Войны и сражения можно выиграть и проиграть, люди могут накапливать богатства или впадать в нищету, но, в конце концов, это не столь уж важно. Важно то, чем человек живет, как о том в свое время писал Толстой.

Magnit opus Райло явно был честолюбивой попыткой написать великий финский роман об интеллигенции, который, по мнению многих, до сих пор еще не написан. Та группа, которая сама себя называла интеллигенцией, строго говоря, принадлежала прошлому, в которое нам уже нет доступа. Возможно, правда, что земля обетованная действительно есть этот большой роман, повествующий о том, чем была интеллигенция. Соглашусь, что мысль эта вызывает озноб.

Главным героем этого гигантского повествования является 80-летний советник канцелярии, доктор классической филологии и знаток классической культуры. Под конец своей жизни старик оценивает ее и жизнь своей страны с дистанции 1939 г., к которому независимая Финляндия и финская культура удивительным образом успели расцвести, но при этом оказались затемненными угрозой с Востока, еще более худшей, чем прежняя.

Галерея героев книги обширна и включает, разумеется, и представителей рабочего класса. В ней есть даже коммунисты и припешники русских. Памятный 1918 г. не замалчивается, напротив, те события выписаны очень четко. Идеи меняются с течением времени. Сын старого канцелярии советника — судья, который поддерживает демократию. Сын последнего — студент — представляет студенческий радикализм своего времени. Деятельность АКС в глазах более старого поколения — идея молодежи, в которой много незрелого, ограниченного и неумного. Но такими же были их собственные идеи в их время, например, егерское движение.

В течении 1939 г. возникла потребность заново создать историю Финляндии и ее места в Европе и в мире. Германская, английская и шведская культура и политика получают освещение тогда, когда Финляндия оказывается среди них или, скорее, сбоку, как их защитник. Над глубинными истоками размышляли как в Финском клубе интеллигентные господа, так и крепкие хозяева-крестьяне, основанная на инстинкте мудрость которых, так же, как и вера, была далека от наивности. Хотя автор, очевидно, не был верую-

щим, набожность в романе представляет собой здоровый и неиспорченный образ жизни, чего никогда не было в Древнем Риме до его упадка. Рабочий класс испытал на себе падение в 1918 г., но теперь он стал лучше. Прежде считалась высшим принципом любовь к собственному классу, теперь говорили о стране. Тем самым, в основе своей признавалось повеление христианской любви к ближнему своему, как размышлял представитель среднего поколения судья Вуори.

Любовь к ближнему своему не распространялась, однако, на русских, и, таким образом, было понятно, что они представляют противодействующую силу, т. е. само зло, и сами по себе они даже не люди. Чего хотели русские от Финляндии? «Земли, земли», — считал дед-крестьянин. «Отнять у крестьян землю, а их самих сделать на общих работах рабами, которые не владеют даже своими могилами. Господ убивают, из церкви делают танцплощадки, где мочатся на святые дары. Леса губятся и продаются, поля истощаются от хищнической эксплуатации и начинают зарастать лесом. Божье слово нельзя ни провозглашать, ни читать, десять заповедей соблюдать не требуется, девушки все становятся блудницами. Не потребуется много лет такого дьявольского правления, чтобы Финляндское государство стало влачить жалкое существование, став гнездом нищеты и мерзости». Большевизм сам по себе учение ненависти, и поэтому его следует ненавидеть так, как благочестивый человек должен ненавидеть дьявола. Впрочем, ненависть — плохое чувство, которое «пожирает человека». Коммунизм также является проклятием молодых девушек, ведь в Советском Союзе так установлено, что каждая девушка, которой исполнилось шестнадцать лет, должна была забеременеть. Природа якобы требовала этого, и товарищи коммунисты охотно помогали в этом деле, т. к. не несли за это никакой ответственности.

Само по себе могло казаться непостижимым, как это порядочный финский рабочий впал в большевизм. Это могло быть объяснено только финской добродетелью, финской порядочностью, заставившей принять русские хитрые заверения целиком. Человек, во всяком случае, может быть уничтожен духовно. Это делала большевистская пропаганда, которая может отравить характер так, что тот будет не способен приносить ничего доброго. Тогда было совершено преступление против души и собственности, которое было неискупимо, преступление против Духа Святого, которое не может быть оплачено по принципу «глаз за глаз, зуб за зуб». Большевизм стремился уничтожить западную европейскую

культуру, но это была единственная существующая культура. Если бы ее уничтожили, не осталось бы ничего, размышлял старый канцелярии советник.

«Еврейский» марксизм упоминается в книге как понятие, но в целом значение евреев в современной жизни остается очень неопределенным и на заднем плане. Германия и Советский Союз с перспективы 1939 г. представляли парой негодяев, которые в сотрудничестве уничтожили Польшу. В окончательное зло, исходящее от Германии, однако, почти никто не верил, уровень ее цивилизации, бесспорно, превышал уровень цивилизации Советского Союза и большевизма. Надменное отношение Германии к Финляндии следует понимать исходя из того, как плохо Финляндия в 1930-е гг. относилась к национал-социализму. Германия далека от совершенства, но она все-таки страна цивилизованного народа. Во время войны с ней человек не должен опасаться того, что будет убит в собственной постели.

Русским было предназначено быть противниками всей доброты и высоких ценностей. Это касалось также самых обычных русских людей. Они были «не чисты». Русский хлеб начал вызывать рвоту у выздоравливающего от коммунизма рабочего. Он был кислым и вонял дегтем, он напоминал о грязных руках и черных ногтях «рюсся», которые до погружения их в тесто ковыряли бог знает что. Подобную пакость следовало выбрасывать и считать слишком плохой даже для крыс. Кто-то даже сказал, что в России живут не настоящие люди, а черти, которые квакают как лягушки и мечут икру. Это икрOMETание можно было видеть и в Хельсинки в 1917 г.

Война вспыхнула, как известно, и Финляндия оказала стойкое сопротивление нападению. Этот факт, бесспорно, был удивительным и в то время единственным в своем роде. Почему не сдались? «Непостижимый миропорядок требовал, чтобы молодежь Финляндии пожертвовала свою жизнь за свободу своей родины и своего народа. Если этого не сделать, умирали бы, однако, гораздо дольше и более ужасным образом...» Весь народ Финляндии мог быть уничтожен. Русские, определенно, намеревались переселить весь народ сразу после победы, «единственная защита была только в юношах, их вере и доблести». Дед-крестьянин подозревал, что начавшаяся война была исполнением приговора, который Всевышним был возложен на «рюсся». Народ Финляндии, несмотря на свою малочисленность, был инициатором. Он даже сформулировал выраженную в заголовке книги мысль, что финны «являются новым избранным народом, задача которого — опрокинуть повозку рюсся».

На фронт против финнов трусила бурая, грязная, обутая в валенки, рогатая, обезумевшая от страха орда. Каждый шел на смерть с рычанием животного. «Нет, это не настоящий народ, это не люди, это бесы», — размышлял фронтовик Антти, недавно еще бывший коммунистом.

Стоимиллионные российские массы оказались в том же самом положении, что и до Петра Великого. Интеллигенция почти исчезла. Газеты приводили очевидные факты жестокости неприятеля. Большевизм, пожалуй, был настоящей болезнью, но почему она так сильно поразила народ России? Ответ на вопрос таился в природе народа. Известный «широкий характер» русских был признаком детской незрелости. «Сейчас русский был сама доброта, но тут же проявлял безграничные зло, коварство и жестокость». Это объяснялось тем, что нравственный костяк русского остался студенистым, не отвердевшим. В нем не было «той моральной силы, которой человек управляет собой, своими поступками и своей жизнью».

Но в России есть все-таки (или была) и культура. Старый канцелярии советник в свое время читал «Преступление и наказание» Достоевского и перечитывает его теперь заново. В сновидении Раскольникова из Азии распространяется на весь мир трихинеллез, который превращает людей во всем мире в помешанных, убивающих друг друга. Очевидно, именно большевизм представляет собой восходящий к персидско-еврейским корням хилязм. В пророчестве Достоевского также задачей самых малых мира сего, «чистых» и «избранных» было задушить эту чуму. Речь явно шла о финнах. Разве «потрясающий пример» борьбы финнов не пробудит заблудших? Народ Финляндии сам по себе не был свободен от многих грехов, и среди его представителей даже во время войны находились неприятные типы. Несмотря на это, идея избранного народа явно воодушевляла и писателя, а не только старого хозяина, в уста которого она была вложена.

Известно, чем завершилась война. Она потребовала жертв — павшими и инвалидами, но что-то великое осталось жить. Будущее заключало в себе обещание великого. Исходя из перспектив 1939–1940 гг., это, без сомнения, представлялось неправдоподобным. Вероятно, это начало чувствоваться также из перспективы 1944 г., когда роман Райло поступил в продажу. В послевоенном мире такое было невозможно. Грубая ксенофобия была неуместна, политически демонизированный в книге победоносный большевизм не потерпел бы таких истолкований — в послевоенном мире они тоже во многом потеряли свою убедительность.

Едва ли, однако, основной акцент книги делался на иступленной русофобии. Скорее она была своего рода современным взглядом представителя финской интеллигенции на чистилище Зимней войны. Ее необычайно эмоциональный заряд объясняется собственным прошлым автора. Призраки замка ужасов оказывались настоящими и преследовали писателя. Возможное предательство фронта Зимней войны угрожало ему еще более реальным, совершенно конкретным уничтожением. В конце концов, восточная граница сохранилась. Финляндия претерпела ампутацию, но ее интеллигенция спаслась и, может быть, спасла свою душу. Это война в корне поменяла отношения между социальными классами. Рабочий класс освободился от стигмы пособника русских, которую он получил в 1917–1918 гг.

Русофобия и классовая ненависть: модные идеи одного времени

Ненависть и ее острая форма, гнев, пожалуй, относятся к генетически важнейшим человеческим чувствам наряду с половым влечением и любовью. Без сомнения, они — те побуждающие силы, которые направляют развитие вида и свойственны любому виду животных. Борьба предполагает агрессию, ненависть есть то эмоциональное состояние, которое предполагает борьбу, хотя, понятно, с точки зрения достижения главной цели она может довести до крайностей. Слепленный гневом Арес ринулся в борьбу с хладнокровно-расчетливой Афиной Палладой. Именно Арес символизирует ненависть, Афина — изворотливость, стратегию, предполагающие первостепенную значимость рассудка. Аристотелевская умеренность в эмоциях, пожалуй, гарантирует успех. Но в мудрости, разработке стратегии не следует ли также оставаться умеренным? Если уловки утрачивают свою практическую значимость, они не осуществляются, т. к. им недостает необходимого веса. Победа в сражениях всегда представляла особый интерес для человека, как ради сохранения вида, так и ради собственного успеха.

Однако со временем ненависть стала интересовать мыслителей и исследователей. По мнению Аристотеля, дело заключалось в желании уничтожать, говоря современным языком, устранять угрозу. Ныне ненависть — фобия — кажется, вызывает скорее юридический интерес, однако, ее причины и формы достойны исследова-